

Глава 4. Спустя тысячу лет

Цзи Яньсин отыскивал Национальный музей. Уходя, Фу Ян напомнил ему захватить с собой штуку под названием «маска» — должно быть, неспроста.

В отличие от частных хранилищ, которые держали у себя благородные мужи его эпохи, здешний так называемый Национальный музей поражал величием. Более того, он был открыт для всех желающих. По дороге Цзи Яньсин разглядывал указатели, пытаясь угадать смысл незнакомых слов, и всё увиденное в корне меняло его представления о мире.

Женщины здесь могли ходить в школы и свободно общаться с мужчинами прямо на улицах. Дороги, вымощенные неизвестным, но на редкость прочным и гладким материалом, сияли чистотой; здесь не было и следа той пыльной неразберихи, что оставляли после себя табуны коней. Никаких нищих у обочин — прохожие выглядели сытыми и нарядными, а лоточники зазывали отведать диковинных угощений. Вместо привычных повозок мимо проносились двух- и четырёхколёсные экипажи. Скорость этих стальных колесниц была такова, что даже лучшим скакунам империи не угнаться за ними. Были и совсем огромные машины: Цзи Яньсин своими глазами видел двухэтажную махину, в которой без труда уместилось не меньше полусотни человек.

Проходя мимо школьной площади, он поднял голову и замер: в небе, точно гигантские птицы, с рёвом проносились диковинные машины — как подсказал разум, это были самолёты, репетировавшие перед военным смотром. В его родную эпоху о подобном не смели и помыслить. Что же это за край? Неужели он спит? Нет, такое не привидится даже в самом безумном сне. Однако осязаемая реальность вокруг не оставляла сомнений: он действительно очутился здесь.

Он открыл сумку прежнего владельца тела, которую прихватил с собой. Вещей внутри оказалось немало, и все они лежали в полном беспорядке.

Сначала он вытащил какой-то металлический штекер с присоединённым к нему длинным шнуром. Повертев его в руках и примерив так и этак, он догадался, что этот провод должен соединяться с прямоугольной металлической коробочкой, которую он носил с собой, хотя до конца всё ещё не понимал, как заставить их работать.

Следом шёл небольшой, но увесистый металлический брусок с несколькими пазами. Цзи Яньсин попробовал вставить провод в подходящее по размеру отверстие, и в то же мгновение коробочка издала негромкий мелодичный звон. Тёмное стекло экрана оживило, по нему побежали светящиеся знаки.

Он и понятия не имел, что просто подключил телефон к внешнему аккумулятору, но общий принцип уловил: этой загадочной коробочке требовалась подпитка.

Были там и другие предметы. Два прозрачных флакона с водой из неведомого упругого материала, пачка необычайно мягкой бумаги и книги, исписанные непонятными знаками. На

обложке красовалось нечто вроде «Основы актёрского мастерства», но смысл ускользал от него. Зато качество бумаги поражало: идеально белая, без единой соринки — даже искуснейшие мастера государства Ци не сумели бы отлить подобный лист. К тому же все строчки здесь тянулись слева направо.

Ещё он нашёл связку ключей с забавным, удивительно похожим на настоящего щенка брелоком и маленькую белую коробочку. Приоткрыв её, он увидел мерцающий огонёк и два крошечных белых наушника. Повертев их в руках, он сообразил, что эти штучки нужно вставлять в уши. Внезапно они отозвались на сигнал телефона, и в голове зазвучала странная, невиданная прежде музыка.

Напоследок в потайном кармашке обнаружилась плотная пластиковая карточка. «Цзи Яо, мужской пол...» — далее тянулся ряд непонятных знаков, ведь в его времена арабских цифр ещё не знали. И всё же имя он разобрал безошибочно: Цзи Яо.

Значит, прежнего хозяина этого тела звали именно так. И его появление здесь едва ли можно назвать случайностью.

Спрятав вещи обратно, он направился к дверям музея.

— Здравствуйте, господин. Пожалуйста, предъявите код бронирования и удостоверение личности для прохода, — вежливо обратилась к нему немолодая женщина.

— Бронирование? Как его получить? — спросил он.

В Великом Ци существовали разве что закрытые школы для благородных девиц, где преподавали женщины, но чтобы зрелая дама вот так, открыто, не таясь, несла службу на людях... Цзи Яньсин подавил изумление. Под «удостоверением», должно быть, подразумевалась та самая табличка, которую он только что нашёл в сумке. Он достал карточку и протянул её сотруднице.

— Ой, да это же вы! — женщина так и ахнула, поспешно понизив голос. — Цзяо-цзяо!

Ну конечно! Как она, преданная поклонница, могла не узнать своего любимого мальчика?

— Вы меня знаете?

— Конечно, я ведь ваша верная поклонница!

«Поклонница?» — мысленно переспросил он, гадая, что это значит.

— А как же бронь?

Женщина так и расплылась в улыбке, торопливо вытаскивая маркер:

— Да бог с ней, с бронью, милый! Считаю, я тебя угощаю. Оставишь мне автограф?

Цзи Яньсин вспомнил, что прежний владелец этого тела промышлял актёрством. Судя по всему, он был весьма одарён и пользовался славой у публики. Неудивительно, что Фу Ян советовал ему скрывать лицо — опасался лишней шумихи.

— Хорошо, — кивнул он.

Приняв из рук женщины странное чернильное перо, Цзи Яньсин на мгновение замешкался, а затем, перехватив его манерой писцов — вертикально, как кисть, — вывел два иероглифа: «Цзи Яо». Штрихи легли уверенно, размашисто и невероятно изящно.

Женщина едва не лишилась чувств от восторга. О боги, как же каллиграфически безупречно пишет её мальчик! Этим автографом она теперь целый год хвастаться будет!

Был будний день, и после утренней суеты с туристическими группами в залах воцарилось затишье. С помощью словоохотливой сотрудницы Цзи Яньсин наконец переступил порог. Напоследок она заботливо повесила ему на шею небольшое устройство:

— Вот, возьми аудиогид. Он сам всё расскажет, где бы ты ни остановился, даже получше любого экскурсовода будет. На выходе просто вернёшь его, и всё.

— Благодарю вас.

«Он со мной заговорил! О боже, я сейчас упаду в обморок!» — ликовала мысленно женщина.

Цзи Яньсин быстро оценил удобство висящей на шее коробочки. Голос из наушников рассказывал просто и увлекательно, открывая перед ним неизвестные страницы веков, полные тайн и смены династий.

И вот он замер у витрины, посвящённой Великому Ци.

Этот мир действительно хранил память о его родине.

«В 989 году от Рождества Христова войска государства Ци преодолели заставу, сокрушив династию Шаньюань. От Явленного родоначальника Цзи Юна до Милостивого императора Ци сменилось пятнадцать правителей, а сама империя просуществовала пятьсот двадцать лет. Времена правления Великого родоначальника Ци стали эпохой наивысшего расцвета государства, вошедшей в летописи как Правление родоначальника Ци...»

Цзи Яньсин прищурился, став предельно сосредоточенным.

Загадочные цифры летоисчисления ничего ему не говорили — должно быть, их придумали позднейшие историки. Кто такой Милостивый император, он тоже не ведал, ведь тот явно принадлежал к числу его потомков. Но Явленного родоначальника Цзи Юна он не знать не мог.

Это был его родной дед — человек, который впоследствии отдал корону отцу Цзи Яньсина и принял титул Верховного императора.

В народе поговаривали, будто дед правил железной рукой и предал прежних союзников, чтобы забрать престол Шаньюань. Но Цзи Яньсину не было дела до пересудов, да и всей правды о делах давно минувших дней он знать не мог. Для него дед оставался строгим, но любящим наставником, заложившим в нём основы истинного величия. Уважения к нему в душе юноши всегда было куда больше, нежели страха перед грозным владыкой.

Когда дед покидал этот мир, Цзи Яньсин был ещё совсем ребёнком. Но он до сих пор отчётливо помнил его последние слова о том, что престол Великого Ци рано или поздно перейдёт именно к нему.

«Если отец отдаст тебе корону сам — что ж, тем лучше. А если воспротивится — заberi её силой».

Тогда, будучи совсем малым, он не понимал истинного значения этих слов. Лишь годы спустя до него дошло: дед верил, что только ему, Цзи Яньсину, под силу удержать и укрепить Великий Ци. Отец его, нынешний Император Ци, был единственным сыном Верховного императора, однако тот считал его лишь сносным преемником, но никак не великим правителем. А вот в юном внуке дед разглядел истинную искру.

И время показало, что Цзи Яньсин действительно оправдал его надежды.

Твёрдый духом, преданный долгу, проницательный в суждениях, одарённый и добродетельный.

«В 1049 году, воспользовавшись смутой при смене власти в вассальном Великом Ди, Великий родоначальник Ци, Цзи Яо, повёл сотысячную армию к границам врага. Попад в коварную засаду, войско потеряло восемьдесят тысяч воинов. Победа далась страшной ценой...»

Кое-как совладав с нахлынувшими чувствами, он расспросил проходившего мимо человека о значении этих странных дат.

И тогда восемнадцатилетний Цзи Яньсин в полной мере ощутил всю леденящую тоску изречения: «Очнуться от великого сна лишь тысячу лет спустя».

Фу Ян обмолвился, что сейчас шёл две тысячи сорок девятый год. Стало быть, миновало ровно тысячелетие.

Сердце юноши болезненно сжалось. Никому в поднебесной не доводилось испытывать подобного — видеть сухие строки истории и наперёд знать трагический исход собственной судьбы.

Он понимал, что поход будет опасным, но никак не ожидал столь сокрушительного удара. Восемьдесят тысяч жизней... Кто-то выдал их планы. В Великом Ци завёлся предатель.

От этой мысли душу его опалило яростным и горьким огнём.

Поскольку те времена именовали «Правлением родоначальника Ци», летописи наперебой славил его величие, а эту страшную трагедию упоминали лишь вскользь, парой сухих фраз.

Но только тот, кто сам стоял на поле брани, знал: человеческие жизни нельзя вычеркнуть одним росчерком пера. За каждым скучным словом историков стояла бездна страданий, а его слава мудрого государя оказалась замешана на крови и плоти восьмидесяти тысяч верных сынов империи.

В этот миг он отчётливо понял: грош цена титулу величайшего из владык.

Если этому суждено случиться наяву, груз вины раздавит его. Он до конца дней своих не обретёт покоя, а тени погибших будут приходить к нему в кошмарах каждую ночь.

Зачем нужна такая корона?

Его охватило горькое раскаяние. Неужели ради личных амбиций он действительно обречёт на смерть столько невинных душ? Знай он об этом раньше, никогда бы не согласился вести армию.

Земная юдоль полна переменчивых ветров, и спустя тысячу лет вся его жизнь превратится в горстку пыльных свитков. Время сотрёт память о чужих интригах, но его собственную вину пред погибшими не смоет ни одно море.

Ему нужно во что бы то ни стало вернуться назад. Даже под страхом смерти он станет умолять Императора Ци отменить поход. Пусть его назовут трусом и клятвопреступником — он вынесет позор. Но если престол требует горы трупов и реки слёз, то ему не нужна такая власть. Он не желает, чтобы его имя вошло в историю ценой бесчисленных жертв.

Но если сам он заточён в этом теле, то где же истинный Цзи Яо? Что случилось с ним?

Цзи Яньсин заставил себя набраться терпения и дочитать хроники династии до конца. Обычная история: величие, начавшееся с упорного труда, и упадок, утонувший в праздности. О деяниях здешних владык грядущие поколения судили без прикрас.

Этот дивный новый мир поражал воображение. Будь у него время, он бы с радостью изучил все его секреты, чтобы принести пользу своему народу.

Но сейчас у него не оставалось ни минуты. Нужно было спешить назад, дабы предотвратить неминуемую катастрофу.

В голову пришла безумная догадка: если он сам очутился в будущем, не мог ли настоящий Цзи Яо занять его место в прошлом? Впрочем, после всего, что с ним приключилось, даже столь невероятный поворот не казался невозможным.

Обойдя залы музея, Цзи Яньсин убедился, что запомнил почти всё, за исключением непонятных ему цифр и некоторых мудрёных терминов. Однако ни единой зацепки, способной вернуть его на тысячу лет назад, он так и не обнаружил.

Выйдя на улицу, он не стал уходить далеко. Медленно шагая взад-вперёд у входа, он лихорадочно перебирал в уме возможные выходы, но тщетно.

Вдруг его взгляд упал на пожилого торговца, разложившего свой нехитрый товар прямо у дороги.

Стоило Цзи Яньсину приблизиться, как старик заговорил первым.

— А, молодой человек! Пришёл расплатиться? А ты пунктуален, — старик дружелюбно сощурился.

Цзи Яньсин удивлённо остановился:

— Вы... ко мне обращаетесь?

— Кроме тебя тут никого нет, так что к тебе, конечно, — старик усмехнулся.

— И что же я вам задолжал? — спросил Цзи Яньсин, решив, что это очередные долги прежнего хозяина тела. Надо же, набрал вещей и не расплатился!

— Вот-вот, память у нынешней молодёжи совсем никудышная. Разве я не говорил тебе, что буду ждать именно здесь и в этот самый час?

— И что же я у вас приобрёл?

Старик неторопливо вытащил что-то из широкого рукава:

— Эх ты... Ну конечно же, вот этот кубок. С тебя тысяча монет.

— Откуда у вас это?! — выдохнул Цзи Яньсин. — Вы хотите сказать, что второй кубок тоже достался... мне?

Он не мог ошибиться. Перед ним был драгоценный Девятицветный кубок из глазури, подарок матушки на день рождения. Стоило подставить его под солнечные лучи, как он вспыхивал радужными искрами, а на тонких стенках проступали очертания парящего дракона и танцующего феникса — один символизировал величие небес, другой — изящество земное.

И сейчас в руках старика лежал именно кубок с изображением дракона.

Старик прищурился, всматриваясь в его побледневшее лицо, не спеша погладил седую бороду и, словно близорукий, подался вперёд. Наконец он довольно улыбнулся:

— А-а, вот оно что... Ну конечно. Ты — это не он.

Наконец-то я дождался.

Цзи Яньсин ошеломлённо замер. Как этот старик сумел распознать подмену? О столь невероятном происшествии никто в здравом уме и заикаться не посмел бы, а этот странный старец рассуждал о случившемся с олимпийским спокойствием. Неужто перед ним бессмертный небожитель?

— Не бойся, малец, моя могила — камень, никому не скажу, — старик бесцеремонно притянул к себе ладонь Цзи Яньсина и вложил в неё прохладное стекло. — Этот кубок я тебе дарю. А теперь мне пора. Помни: береги его пуще глаза, не смей ни ударить, ни уронить.

Последние слова прозвучали на редкость сурово и веско.

Цзи Яньсин бережно принял сокровище и принялся торопливо его осматривать. Матушка когда-то сказывала, что эти кубки привезли из далёкого Царства болот, раскинувшегося на самом краю Великого Ци, и ценность их была велика. Но самому юноше было безразлично их происхождение — он лишь помнил, как тяжело болела его дорогая матушка, но всё равно сотворила для него этот прощальный дар.

Когда один из кубков бесследно исчез, Цзи Яньсин едва не лишился рассудка от горя.

И вот теперь утерянное сокровище вновь лежало перед ним. Он знал каждый изгиб узора, каждую едва заметную чёрточку — ошибки быть не могло.

— Старший... — Цзи Яньсин вскинул голову, но улица перед ним была пуста. Торговец исчез, словно растворился в воздухе, не оставив и следа своего пребывания.

Нить оборвалась так же внезапно, как и появилась. Задумчиво бродя по улочкам и погружившись в размышления, он не заметил, как спустились сумерки. Поняв, что пора возвращаться, он направился к академии, чтобы встретиться с Фу Яном и вместе обсудить дальнейшие шаги.

В тихом сквере у стен Центральной академии драмы, прямо на берегу заросшего пруда, стояла старая беседка. Здесь Цзи Яньсин и расположился в полном одиночестве.

Место это пользовалось дурной славой. Поговаривали, будто здесь обитает нечистая сила — подобные слухи ходят едва ли не о каждом старом учебном заведении. Студенты обходили пруд десятой дорогой, и пустующую беседку почему-то так и не снесли. Должно быть, никто просто не решался затевать строительство на «проклятом» клочке земли.

«Может ли этот кубок стать ключом к возвращению домой? Старик ушёл слишком быстро, но он явно владел тайной... Не попытать ли счастья у Национального музея завтра?»

Едва Цзи Яньсин принял решение, как тишину вечера нарушил негромкий, но отчётливый плач, донёсшийся будто бы из самого воздуха:

— Что это за дыра?! Господи, верните меня домой! Хочу вай-фай, киношку, чипсы и горячий котелок! А-а-а-а!

Голос раздавался прямо из зажатого в ладони кубка.

<http://bllate.org/book/20677/2123164>